

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУРЯТ

Этничность в современном мире не теряет своей значимости, но понимание этничности в современном значении претерпело изменения. Общепринятые в обыденном сознании этнические категории (общее происхождение, культура, совместный исторический опыт и т. д.) не способны объяснить значение этничности.

В основе современной концепции конструктивизма лежит трактовка этноса и нации не как объективно существующей, «изначальной» данности, а как некоего интеллектуального конструкта, создаваемого на основе культурных различий, этнонационального самосознания, чувств национальной принадлежности.

Этническая идентичность как индивидуальный индикатор этнического самосознания представляет собой принятие определенных групповых представлений и системы ценностей, а также построение системы отношений и действий в различных ситуациях, связанных с контактированием с другими этническими группами. В России в настоящее время приобретает особое значение трансформация этнической идентичности. Существует несколько типов такой трансформации: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная идентичность, этноэгоизм, этноизоляция, национальный фанатизм [1, с. 61]. Для этнонигилизма характерно отрицание собственных этнокультурных ценностей, ощущение этнической неполноценности, ущемленности, негативное отношение к представителям своего этноса, трудности в общении с ними. Определенные черты сходства с этнонигилизмом проявляет этническая индифферентность, демонстрирующая равнодушие в отношении проблем межэтнического взаимодействия и этничности в целом. Этнонигилизм вкупе с этнической индифферентностью и амбивалентной идентичностью может привести к кризисным формам изменения самосознания, неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. Такая этническая маргинальность идентичности может быть одним из базовых элементов в основе конструирования социального неравенства, стигматизации и дискриминации по этническому признаку.

Этническая идентичность группы также определяется своей границей. Этническую границу можно представить как дистанцию, разграничивающую и противопоставляющую «мы» и «они». Поэтому на передний план выдвигается вопрос функций и смысла данных признаков в связи с феноменом неравенства. Так, Вольф-Дитрих Буков и Роберто Лариора представляют социогенез этнических меньшинств как процесс, при котором переживаемый опыт неравенства активизирует и актуализирует этническую маркировку, сначала ее порождая. Они акцентируют внимание на ситуативных и интерактивных аспектах процесса этнизации, чем выводят на первый план коммуникационный контекст, генерирующий неравенство и укрепляющий его.

Социальное неравенство фиксируется через стигматизацию индивидов, возникающую от внешних расовых или этнических особенностей индивида. Термин «стигма» будет использоваться для обозначения качества, выдающего какое-то постыдное свойство индивида [an attribute deeply discrediting]; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него [2, с. 3]. Этничность как стигма обосновывает с точки зрения одних неполноценность других и объясняет опасность, которую он представляет. В нашей повседневной речи используются особые термины для обозначения стигмы в качестве образного выражения.

Порой люди приписывают стигматизированному индивиду недостатки, предрассудки, стереотипы, привязывая их к его этничности. Этнические предрассудки и дискриминационные действия могут быть рассмотрены как часть социального кода общества, который передается от поколения к поколению. Антипатиям, негативному отношению к той или иной этнической группе или общности, с точки зрения нормативистской концепции, люди учатся таким же образом, каким они учатся бытовым умениям. Они являются продуктом научения, который люди могут и не осознавать. Предрассудкам не учат прямо и направленно. В процессе социализации индивид воспринимает и делает своим внутренним достоянием присущие обществу предрассудки, если они закрепились в общественном сознании в виде норм.

Социолог Ф. Уэсти так выразил сущность этого подхода: «Индивиды привержены предрассудкам, так как принадлежат обществу, которое несет в себе предрассудки в качестве аспекта

нормативной системы своей культуры. Предрассудки существуют в культуре в форме нормативных предписаний, т. е. представлений о том, “как должно быть”, определяющих, каким образом члены группы должны вести себя по отношению к членам других групп» [3, с. 583–584]. Эти и другие аспекты, связанные с социальным неравенством в современном полиэтничном социокультурном пространстве Иркутска, требуют тщательного и осмысленного изучения в теории и практике этносоциологии.

В октябре 2009 г. в Иркутске при поддержке областного государственного учреждения «Центр сохранения и развития бурятского этноса» было проведено социологическое обследование на тему: «Выявление уровня национального самосознания и предпочтений у бурят». Данная работа должна положить начало серьезному мониторинговому социологическому исследованию по изучению идентичности бурят и феноменов социального неравенства в Иркутске и Иркутской области, и помочь в разработке предложений по повышению уровня национального самосознания. Исследование проводилось методом анкетного опроса. Для получения первичной информации использовалась выборка типа «снежного кома», при которой обследуемая совокупность формировалась при помощи формальных и неформальных контактов организаторов опроса. Отсутствие строго вероятностного метода отбора выборки объясняется пилотажной стратегией исследования.

В опросе участвовал 101 человек. Большая часть респондентов была из возрастной группы 16–25 лет (84 %). Также участвовали респонденты возраста 26–30 лет (4 %), 31–35 лет (5 %), 46–55 лет (3 %) и 56 лет и старше (1 %). В опросе участвовали представители разных статусных групп (в основном, это студенты учреждений системы среднего и высшего профессионального образования – 78 %, служащие – 14 %, предприниматели – 2 %, безработные – 1 %, пенсионеры – 1 %). Большинство респондентов проживает в Иркутске (94 % из числа опрошенных).

Несмотря на стереотип о достаточно низком уровне национального самосознания у современных бурят, почти все опрошенные (93 %) опровергли это мнение и подтвердили актуальность осознания принадлежности к своему народу, этносу.

Причинами возросшей актуальности национального самосознания, по мнению опрошенных, являются сохранение и передача истории своего народа будущим поколениям (78 %), сохра-

нение родного языка (62 %), сохранение национальной самобытности и индивидуальности (43 %), дань уважения предкам (39 %), реакция на дискриминацию (10 %).

«Современная молодежь обязательно – или, по крайней мере, желательно – должна знать обычаи, традиции, культуру своего народа», – в этом уверены почти все опрошенные респонденты (94 %).

Важным фактором в формировании этнической идентичности являются средства массовой информации. Они должны стать катализатором в формировании позитивной идентичности, должны знакомить население с культурой разных этнических групп, должны формировать демократическое и толерантное общество.

Однако уровень информированности людей о жизни бурят в Иркутске имеет низкий или скорее низкий уровень (табл.1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов об уровне информированности людей о культурной жизни бурят

Уровень информированности респондента о культурной жизни бурят в Иркутске	Доля опрошенных, в %
Низкий	35
Скорее низкий, чем высокий	43
Высокий	6
Скорее высокий, чем низкий	2
Затрудняюсь ответить	13

Из табл. 1 следует, что 77,5 % респондентов из всего числа опрошенных подтвердили низкий или, скорее, низкий уровень информированности. Существенный дефицит информации о событиях культурной жизни бурят в Иркутске имеют 62 % респондентов.

Структура источников, из которых респонденты чаще всего узнают о событиях культурной жизни бурят в Иркутске, имеет следующий вид. На первом месте по популярности стоят друзья (59 %), которые передают непосредственно друг другу, как в допотопные времена, информацию о важных событиях в социокультурной жизни бурят, затем стоит телевидение (канал АИСТ) – (22 %), информация со стендов – 16 %. Также респонденты выбрали такие источники, как газеты, Интернет, радио, вариант «другое». Под данным вариантом респонденты имели в виду ру-

ководителей ансамблей, родственников, сотрудников Центра сохранения и развития бурятского этноса.

Почти 30 % респондентов отметили в качестве причины неучастия в общественно-культурной жизни в предыдущие три года именно нехватку информации, где и как можно себя проявить.

Несмотря на этот информационный вакуум, деятельностный потенциал респондентов в общественно-культурной жизни бурят Иркутска очень высок (табл. 2).

Таблица 2
Распределение ответов респондентов о возможном участии в общественно-культурной жизни бурят

Виды деятельности	Доля респондентов, в %
Участие в мероприятиях культурно-досуговой деятельности	39
Участие в деятельности бурятских творческих коллективов	31
Изучение бурятского языка в языковых центрах	24
Участие в деятельности в политических и общественных мероприятиях	23
Участие в научных конференциях по проблемам бурятского этноса	23
Участие в интеллектуальных играх	18
Участие в спортивных секциях и соревнованиях по национальным видам спорта	17
Участие в деятельности бурятских национально-культурных автономий	16
Другое	2

Из табл. 2 следует, что более трети опрошенных (39 %) согласны участвовать в мероприятиях культурно-досуговой деятельности, 31 % респондентов приняли бы участие в деятельности бурятских творческих коллективов, 24 % опрошенных собираются изучать бурятский язык в языковых центрах, 23 % приняли бы участие в политических и общественных мероприятиях, столько же согласны принять участие в научных конференциях по проблемам бурятского этноса. Примерно равное количество опрошенных (от 14 до 17 %) согласны участвовать в деятельности бурятских национально-культурных автономий, в спортивных секциях и соревнованиях по национальным бурятским и другим видам спорта, в интеллектуальных играх.

Данный опрос показал, насколько значительна роль этнонационального самосознания у молодежи. Молодежь начинает

уважать и ценить знание своего родного бурятского языка, традиций и элементов культуры, ощущает дефицит знаний о своем народе. Смена целей и идеалов во внутренней политике государства привела к тому, что особой ценностью является русская идентичность, т. е. принадлежность человека к русской нации. Следовательно, все, кто этой ценностью не владеет, автоматически оказываются в низших слоях социальной стратификации российского общества. Так как всякое противопоставление объединяет, то в настоящий момент настало то время, когда в поисках позитивной этнической идентичности общность стремится самоопределиться, обособиться от других, утвердить свою автономность, сохранить уважение и гордость за свой народ.

Литература

1. Рахматуллин Э. С. Понять общество, в котором мы живем: конструирование национальной государственности / Э. С. Рахматуллин, Л. Э. Иликова. - Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001.
2. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. - N. Y. : Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3-6).
3. Westie F. Race and Ethnic relations // Handbook of Modern Sociology / Ed.by R. E. L. Faris. - Chicago, 1964.

САВИНОВ Л. В.

ЭТНОПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Для современного российского общества – общества полиэтничного и многоконфессионального в своей основе и потому мультикультурного в своей сущности – все еще находящегося на этапе серьезных социальных трансформаций и демократического транзита, адекватное объяснение и корректный анализ содержания, характера и направленности этнополитики и этнополитических процессов требует сильного экспертного и аналитического сопровождения.

XXI век для России характеризуется новыми социальными вызовами, связанными с новыми этносоциальными и этнополитическими реалиями: усилением иммиграционных тенденций, приводящих к появлению достаточно больших этнодиаспоральных сообществ – проблема включенности «новых» мигрантов в